

(начало на стр. 1).

Прямо от крыльца по всей России,
Как мне показалось, оттого,
Чтобы мужики их не скосила
Вместе с безымянною травой.

За березняком дымилась Волга,
Пахло диким медом и смолой,
Жаворонок весело и долго
Пел над просыпавшейся землей.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Светит фосфором луна
В одинокое окошко.
Пой тихонечко, струна,
Погрусти со мной немножко.

Пострадаем о страде,
Об изменчивой погоде,
О кубышках на воде,
О народе, о свободе.

Непохожий на огонь,
Свет луны в волнах трясется.
Мирно темно-синий конь
За окном моим пасется.

ДОРОГА НА ВОЛОК

По особому запаху елок,
По особому цвету осин
Отличаю дорогу на Волок
Ото всех остальных на Руси.

Я без этой дороги скучаю –
Год от года сильнее манит;
Я на этой дороге встречаю
Земляков терпеливых моих.

Эх, судьба! Без добра нету худа,
А без худа добра не видать.
Никогда б не уехал отсюда,
Кабы знал, как придется страдать.

Тут тепло. Первоцветов озера.
Над рекою струится парок...
Я позорней не знаю позора,
Чем забвение отчих дорог.

* * *

Петухи еще не пели
На Мелюхиной горе –
Мы с тобой уже успели
Поработать на заре.

Дух здоровый, тело в силе.
Каждый в радости большой!

Подоили. Покосили.
Надышались. Хорошо!

Пьем квасок. Смеемся тише –
Не мешаем детям спать...
Трех таких четверостиший
Городским не написать.

ПИСЬМО

«Дома все хорошо. Ребятишки
здоровы.
Брат твой Федька ударился снова в
гульбу.
Пес куда-то пропал. А у нашей
коровы
Появился телок со звездой на лбу.
Сена на зиму хватит, останется
даже.
Устаю на работе, скажу не тая.
Ты б приехал да вычистил трубы
от сажи:
Топим в сутки два раза: морозы
стоят...»

Так зовет своего никудышного
мужа
Моя крестная мать из далекой
глуши.
Деревенская русская женщина
тужит:
«До свидания, Вань, хоть письмо
напиши...»

* * *

В чистом поле на белой постели
Умирает больное село,
И его отпевают метели.
Отлюбило оно, отцвело.

Опускаясь в сугроб одиноко,
Не надеется ни на кого.
Скоро неба холодное око
Оприходует душу его.

* * *

По селу мороз погуливал,
Речка стыла под мостом,
Родничок дымил-покуривал
Под ракитовым кустом;

Распушились ветки белые,
Блестки-искорки вокруг,
И калины гроздьба спелые
Полыхают на ветру...

Нет, судьбинушку не высветил
Синеватый лунный свет.
К большаку покорно выскочил
Мой двужильный лыжный след.

Бей в лицо, струя холодная!
В три погибели согнусь.
Сторона моя свободная!
Я уехал...
Я вернусь!

* * *

Отсвистала дубрава, отщелкала.
И опять в полуночный час
Улыбалась луна однощекая
Из твоих безутешных глаз.

И опять твои губы горячие
Прожигали меня насквозь.
Про меня по деревне судачили:
Мол, мужик – оторви и брось.

Что же ждешь от меня хорошего?
Я такой, как другой любой.
Слишком просто и очень уж
дешево
Мне досталась твоя любовь.

То не сладкое, что не заслужено.
Я пошел уже было прочь,
Только сын поперхнулся
простужено,
Испугав нашу сваху – ночь.

Только веточки хрустнули молодо
На кустах молодой ольхи,
С хрипотцою запели от холода
Деревенские петухи.

Бесшабашную, милую, юную,
Я тебя на большак понес.
И блестела осока подлунная
От твоих безутешных слез.

* * *

Вечер зажигает в небе свечи,
Наступает покаянья час.
Помолись, родимый человеке,
За себя, за Родину, за нас.
Не сочти за труд перекреститься,
Ты ж крещенный матерью, отцом,
Стыдно ль на колени опуститься,
Ко родной земле припасть лицом.
Если сад приходит в увяданье,
Не зацвев, не то, чтоб дав плоды,
Быть стыда не может в покаянье.
Стыд – до покаяния следы.
Не придай значенья укоризне
От бездушных и безличных тел,
Помолись за тех, кто в этой жизни
Помолиться так и не успел.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 41 (август).

Письмо тридцать восьмое

ОСЕННИЙ дождь со снегом. Лохматое мокрое небо над головой. Глухая ночь. Предзимье. Дел ещё невпроворот, но уже понимаю: всё, что задумал, не успеть. Вот-вот ляжет снег, и впереди, считай, полгода зимы. Как пройдёт это время, одному Господу ведомо.

Надвигаются выборы главы района. Что там Украина, Америка? У нас тоже страсти нешуточные. Самое отвратительное, что в этой заварухе сгнивают люди. Им бы маленькую, но власть. Ничем не брезгают в борьбе за голоса.

Особенно те, кто сегодня у кормушки. Каково им просыпаться по ночам и вздрагивать: а вдруг проиграю? Отнимут кресло, в котором просидел столько лет. Выйдешь на улицу, а с тобой могут и не поздороваться. Катастрофа.

Я так иногда пытаюсь представить себе будни экс-президента. Вроде, всё у тебя есть – деньги, налаженный быт, время. Но куда девать это время, оно провисло, стало длиннее. Ещё недавно жизнь была напряжена, как натянутая струна. От тебя зависели миллионы чело-

Письма сельского почтальона

веческих судеб. И вот ты выброшен из седла. Тебя больше нигде не ждут. От тебя теперь мало что зависит. Ты никому не нужен. Хотя кривляки-пародисты ещё изображают твою манеру говорить, выставляют тебя пугалом огородным, смеются зрители. А сколько тех, кто не смеётся, а всё шлёт и шлёт по твоему адресу проклятия – за всё, что ты натворил. Но уже никак не оправдаться, ничего не исправить. Твоё время ушло, кануло в прошлое, что впереди? Что там напишут в учебниках? Вошёл ты в эту историю или вляпался, вляпался или вошёл? Бог тебе судья, товарищ господин экс-президент.

«Чем выше постамент власти, тем больнее с него падать» – это древняя мудрость. Я бы заповедовал тем ретивым молодым людям, что рвутся во власть, никогда и не подходить к этой двери. За нею – пропасть. Соблазнов много, но расплата жестока. А платить надо за всё. Особенно, если к этой власти ты рвался не ради людей, не во благо Отечества, а ради самой власти, своих личных интересов. Не поверишь, как быстро пролетают годы. Какую оставишь по себе память? Чем оправдаешься пред лицом Высшего Судии?

Ну да ладно. Совсем о другом хотел тебе написать. Читаем мы сейчас с женой «Анну Каренину». Перечитываем. Конечно, чтобы получить наслаждение от этого великого романа, надо иметь жизненный опыт. Тогда только и поймёшь, о чём это, собственно. И тогда не будут скучны тебе долгие описания быта и природы. А если ещё вспомнить «Войну и мир», вспомнить «Шинель» Гоголя, его духовную прозу, «Обыкновенную историю»

Гончарова, «Некуда» и «Соборяне» Лескова, то увидишь такую объёмную картину, целый мир, весь наш XIX век – уклад, человеческие отношения, «дум стремление», а во всём этом – и причины, приведшие к перевороту 1917 года. Прочти «Моя жизнь» Чехова, вникни в атмосферу тогдашней провинциальной России – каждый её уголок жил своей жизнью, своими заботами, привычными желаниями и интересами. А в столицах кипели страсти, собирались на площадях «демократы» и иже с ними. Стреляли в царей и в министров, составляли заговоры и аферы.

В 1873 году были многочисленные проекты орошения, повороты рек. «Спекуляция подспела как раз к гигантским проектам орошения целой Новороссии, земли Войска Донского, всех степей Самарской губернии...» («Голос» 1875, 32), «Независимо от практического смысла проектов, они давали возможность получать гигантские субсидии и представляли собой заманчивый способ лёгкого обогащения...» Некрасов включил в поэму «Современники» сатирическую «Песню об орошении»: «Дали денег – орошай!».

Тебе это ничего не напоминает? И ещё: «В 1871 году были приняты особые правила о продаже свободных земель на льготных условиях. С этого времени началось хищническое использование казённых земель. В спекуляциях прямое участие принимали чиновники канцелярии Оренбургского генерал-губернатора...» («Русская мысль» 1891 год, книги 3-4) (окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

Это мы не знаем истории, а кто-то очень хорошо её изучает и находит всё то для нас новое, что есть прочно забытое старое.

Страсти бурлили в столицах, а где-нибудь в тихом Муроме жизнь шла своим чередом, как она и сейчас там идёт. «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда». Помнишь? И до сих пор так: жизнь наших провинциальных городов из столицы не видна. Им там не до этого. А люди живут везде, работают, отдыхают, ленятся, рожают и воспитывают детей. А кому-то всё неймётся, и он всё ползёт по Руси и всё предлагает свои «яблоки», всё соблазняет лучшей долей. И власть ему не та, и всё против Бога шипит, и всё свободы ему мало, всё демократии не хватает.

Помнишь «Сто лет одиночества»? В тихо, мирно живущую деревню приезжают цыгане, привозят сплетни, всякие соблазны и смущают людей. А потом всё заканчивается всеобщей гибелью.

Что был рай? Прародители наши трудились в этом саду, отдыхали и беседовали с Богом. Не было ни болезней, ни страданий, ни войн, ни экологических катастроф, ни террористов, ни убийств, ни денег, ни разврата, ни грязи, ни СМИ, ни полётов на Марс, ни прочей всякой ерунды. Но была тихая, мирная жизнь, которую мы и просим сегодня у Господа и к которой мы все сознательно или подсознательно стремимся. Чтобы на сердце было спокойно. Но есть такие, которым это очень скучно. Скучные духом люди – им без кипения мирских страстей ну просто никак, им подавай выборы, перевыборы, саммиты, конгрессы, зрелища, шоу без конца, разгул во все стороны, «прогресс», «цивилизацию»... а потом со всего маху – бух об

землю – кладбище. И чего?

У меня возникает такое ощущение, что вся свобода и демократия сводятся к тому, чтобы с детства именно с детства, приучить каждого из нас смотреть спокойно, без всяких нравственных оценок на человеческую грязь. Воспринимать, то есть принимать в душу человеческую помойку. Полагать, что иначе и быть не может. Ходят голые? – Ну и что? – Ругаются матом? Поют похабные песни? Едят всякую отраву? Пьют? Курят? Потеряли совесть? Тратят драгоценное время жизни впустую? – Ну и что? Так должно быть. – Вырывают друг у друга власть? Раствлевают малолетних? Хамят? Восхваляют гордыню, честолюбие? Заменяют суть видимостью? Уничтожают природу? – Да и ладно. Всегда так было. И мы оторвёмся по полной! И ты не отставай! «Возьми от жизни всё!». Вот лозунг нашего века.

Но ведь нет, не всегда так было. У того же Толстого в дневниках можно прочесть о том, что «свободную любовь» раньше сравнивали с воровством. Именно так в газетах и писали: воровство. Именно так и понимали. И берегли себя от всей этой мерзости.

Китайская мудрость гласит: «Прямая, уходящая в бесконечность, начинается с точки. В бесконечности нет ничего. Не уходи с точки, если ты мудр». Но нет: он, «несчастный», всё «ищет бури, как будто в буре есть покой». Читай классиков, думай над тем, что читаешь, и вдруг обнаружишь, что за последние двести лет мы никуда не ушли. И никуда не уйдём. И у всякого начала есть конец. Но стоит ли с таким остервенением к нему стремиться?

*Обнимаю.
Твой Д.В.А.
ноябрь 2004*

«Новоторжский рубеж»

В Торжокском районе в архитектурно-этнографическом музее «Василево» прошел всероссийский фестиваль средневековой истории и культуры «Новоторжский рубеж». Его участниками стали реконструкторские клубы и объединения из разных регионов страны. Первый день фестиваля встретил гостей и участников мелким и холодным дождем, который к полудню только усилился. Однако непогода никому не смогла испортить настроение. Ведь и реконструкторы, и зрители ждали этого фестиваля более трех месяцев. Дело в том, что традиционно «Новоторжский рубеж» проходит в начале мая, однако из-за эпидемии коронавируса его пришлось перенести. Кроме того, из-за «короны» на фестиваль не смогли приехать военно-исторические клубы из других стран.

«Но всероссийский статус «Новоторжский рубеж» смог сохранить», – подчеркнул в разговоре с корреспондентом «Каравана» идейный вдохновитель и организатор фестиваля Валерий Цыков. По его данным, участниками «Новоторжского рубежа» стали около 200 реконструкторов из разных регионов России – от Воркуты до Санкт-Петербурга.

Н. Иванова

• Подвижники

ПРИТЯЖЕНИЕ

*Там, где мать твоя родная,
Там и Родина твоя...*

А. Пшеничный

ЭТОЙ песней на слова Анатолия Пшеничного сопровождал Анатолий Михайлович Васильев видеofilm светлой памяти матери, размещенный им в социальных сетях. Нины Михайловны не стало год назад.

Андреаполь он искренне считает своей малой родиной, которой очень дорожит и старается провести здесь каждую высвободившуюся из своей активной жизни минуту. Казалось бы, для человека, бороздившего Арктические и Антарктические моря, побывавшего в кругосветке, крохотный городок-песчинка на карте – просто далекий эпизод из детства.

– Я не могу точно выразить словами чувство, которое охватывает меня всякий раз, когда сворачиваю с трассы, чтобы преодолеть оставшиеся пятьдесят километров до Андреаполя. Что-то здесь такое начинает происходить, – касается он рукой груди.

На самом деле Андреаполь родина его родителей. Сам Анатолий родился в Ленинграде в апреле 1963 года. Но помнит, как примерно с двухлетнего возраста ежегодно и подолгу жил у бабушки. А потом к бабушке он приезжал на каждые каникулы и праздники, чему очень был рад – простые нравы маленького городка дарили ему полную свободу. Здесь завязывалась первая мальчишечья дружба, прошедшая через всю жизнь, даже если судьбы товарищей совсем не радужны.

Его судьба была удачной. По-

сле школы – Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. Служба на Северном флоте в Северной гидрографической экспедиции (по специальности Васильев – гидрограф). Морские походы и полевые работы в Баренцовом и Белом морях, по результатам которых изданы морские навигационные карты и пособия для мореплавателей. Следующий этап – учеба в Военно-морской академии. По окончании – преподавал океанографию в родном училище. После двадцати лет службы на флоте вышел в запас в звании капитана второго ранга.

Вот здесь налаженная жизнь круто изменилась. Их поколению выпала судьба в период развала страны оказаться никому не нужным в полном расцвете сил, с наработанным опытом и приобретёнными за годы жизни знаниями, применить которые было негде. Многие пали духом. Но не Васильев.

– Я сразу решил, что в охранники и прочую службу не пойду. Раз меня учили управлять, значит, буду управлять. В той сфере, которая сейчас востребована. И занялся девелопментом и строительством.

На новом этапе своей жизни Анатолий остался верен своим принципам: не хитрить, не ловчить, дело исполнять честно. Он стал генеральным директором компании «Торговый квартал». При его участии построены и реконструированы торгово-развлекательные комплексы во многих городах нашей страны – в Красноярске, Набережных Челнах, Владивостоке,

Ниже Новгороде, Домодедове.

И опять наладившуюся было жизнь круто изменил общемировой кризис 2008-го года. Простому человеку он был не так заметен, но строительный бизнес просел. Как ни удивительно, для Анатолия Михайловича и это оказалось кстати. Именно в это время он услышал о готовящемся кругосветном плавании учебного парусного судна «Седов» и твердо решил в нем участвовать.

– Сам парусник – это целая история, – рассказывает он, – ему в 2021 году исполнится 100 лет. Построен в Германии, крупновская сталь. К тому же было несколько знаков, подсказывающих, что мне просто необходимо попасть в эту кругосветку. Когда-то сам Георгий Седов ходил теми же маршрутами, что и я, когда служил на севере. Судно отправлялось от памятника Круzensхтерну, что напротив нашего училища на Васильевском острове.

Непросто было попасть в команду, но он сумел это сделать, стал руководителем практики курсантов. Как говорит, сила воли и Божий промысел помогли.

Четырнадцать месяцев с 20 мая 2012 года по 20 июля 2013 года длилось это плавание на знаменитом барке. В кругосветном плавании отметил А. Васильев и свой 50-летний юбилей. Как он потом напишет: «мы прошли 47 тысяч морских миль, четырежды пересекли экватор».

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 5).

Этому событию он посвятил по возвращении выставку и красочный фотоальбом под названием «Кругосветка». Произведением фотоискусства «мудрого и наблюдательного человека с хорошим вкусом и внутренней культурой» назовет его во вступительном слове издатель Николай Разинчев. А сам автор в предисловии напишет: «Кругосветка, на мой взгляд, емкое и широкое понятие. Вся наша жизнь – это кругосветное путешествие от рождения к смерти, от Старого Света к Свету новому».

И среди ярких морских впечатлений он не забудет свою малую родину. В ряду стихов, сопровождающих морские фотосюжеты, вместе с классиками литературы Анатолий поместит и песни андреапольского барда Михаила Ильющонка. И, конечно же, здесь есть фотопортрет матери. Ей он не забывал звонить из каждого порта. К тому времени они с мужем перебрались из Санкт-Петербурга на постоянное жительство в Андреаполь.

Кстати, о муже матери. Это известный в нашем городе человек Антон Александрович Соламес, написавший книгу о русских эстонцах, выдержавшую несколько изданий. Они с Ниной Михайловной одноклассники, разведённые когда-то жизнью, ею же и соединенные потом. Семья интересная, интеллектуальная и творческая. Сколько занимательных бесед на разные темы звучало в их доме. Здесь

любили и знали поэзию. Потому понимает в ней вкус и Анатолий.

Кругосветка закончилась, а жизнь продолжается, для А. М. Васильева активная, как всегда. Сейчас он – председатель правления межрегиональной общественной организации фотохудожников «Морской Арт Клуб», руководитель проектов «Резервы человечества» и «Россия морская». Члены клуба планируют и организуют морские походы, международные экспедиции, занимаются культурно-просветительской работой, организуют выставки и фестивали, с 2017 года совершают комплексные экспедиции и автопробеги через всю страну до Дальнего Востока, Монголии, Китая и Японии.

– Я люблю тебя, жизнь. И надеюсь, что это взаимно, – цитирует Анатолий свою любимую песню.

И я вспоминаю изречение Альфреда Гинсбурга, как оказалось, друга Васильева, нашедшее место в том самом фотоальбоме: «Мы не знаем, что будет завтра: наше дело – быть счастливыми сегодня».

А об Андреаполе Анатолий говорит так:

– Здесь истоки Волги и Западной Двины. Здесь мои старые и новые друзья. В андреапольской земле лежат мои мама, бабушка, прабабушка. Здесь хочу быть похороненным и я.

Да, вся наша жизнь кругосветное путешествие.

М. ПЕТРОВА

Флаг Андреаполя на вершине Эльбруса

Владимир Юринов – поэт, прозаик, бард, живущий в Андреаполе, по его собственному признанию «как только позволили время и деньги», отправился с супругой покорять красавец Эльбрус (высота 5642 м.). Несмотря на шестидневную высотную адаптацию и четыре предварительных акклиматизационных выхода, само восхождение далось им нелегко. Из двадцати восьми членов альпинистской группы до вершины смогли добраться лишь одиннадцать. Алла Юринова остановилась в шаге от победы, дойдя до седловины (высота 5416 м.). Уж больно крутым оказался последний снежный «взлёт», ведущий на самую высокую вершину Европы.

Владимиру же всё-таки удалось справиться и с неуступчивым склоном, и с отбирающей последние силы «горной болезнью» и развернуть флаг Андреаполя на недостижимой до этого высоте.

Ю. Владимиров

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Мария Парамонова

Родилась в 1971 году в Твери. Поэт, автор четырёх книг стихов («Млечный путь», «Галерея грёз», «Марьян скит», «Лучезарные стихи»). Лауреат литературных конкурсов различного уровня. Член Союза писателей России. Стихи публиковались в тверской и смоленской периодической печати, «Литературной газете», журналах и альманахах «Российский колокол», «Невский альма» и других. Творческую и трудовую деятельность ведёт в Твери, Смоленске и Москве. Преподаёт экономические дисциплины в тверском филиале МГУТУ (Московского государственного университета технологий и управления).

ДЕРЕВО ПОЭТОВ

Есть на востоке Дерево поэтов –
Баньян, дающий тень за веком век.
Поэты собирались в месте этом
Читать стихи десяткам человек.
Но все поэты рано или поздно
Приходят в сад небесный, белый сад.
Там дерево поэтов с кроной
звёздной
И рифмы совершенные звучат.

Поэтов души там листают книги
И каждый продолжает чей-то стих.
Они забыли горе и интриги
И глас непонимания затих.
Поэты, знамениты и безвестны,
Равны перед Творцом в саду Небес,
Они поют возвышенные песни
Из вечных, чистых, неземных словес.

РУССКИЙ БИЛЬЯРД

Танцуют белые шары фокстрот:
То тихо приближаются друг к другу,
То делают эффектный разворот
И продолжают двигаться по кругу.
Им непонятен замысел игры,
Неведома рука, что движет ими,
Но катятся и катятся шары –
Они забаве этой дали имя.
По манию волшебного жезла
Сольются двое нежным поцелуем.
Воздушен танец их, но доля зла –
Скользят до лузы – финиш
неминуем.
Другие двое в яростном рывке
Столкнутся. Разлетятся
равнодушно.
И, мелко задрожав на уголке,
Туда же – в лузу – скатятся
послушно.
И так, по мягкой зелени сукна
Любви и страсти отмеряя ярды,
Назначенные богом времена
Проходят, будто партия бильярда.

Ксения Маркова

Родилась в 1984 г. в Москве, с раннего детства живёт в Твери. Окончила

биологический факультет Тверского государственного университета. Кандидат биологических наук. Член литературного объединения «Рассветная звонница», член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Автор книг стихов «Я падаю вверх» (СПб, 2010), «Тридцать пятый лист календаря» (СПб, 2020). Лауреат молодежной литературной премии «Родник» им. Е.И. Сигарёва (2013), победитель многих конкурсов. В настоящее время сотрудник Тверского колледжа культуры им. Н.А. Львова.

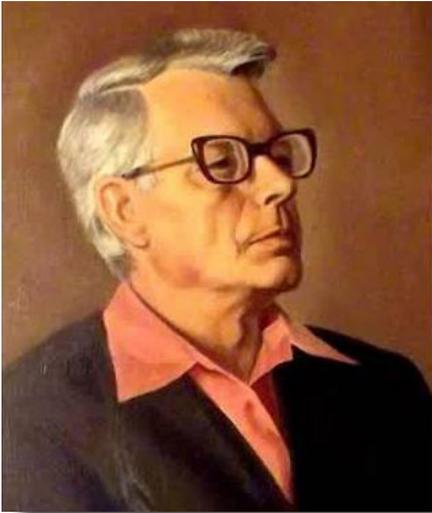
КАЛЕНДАРЬ

Мне в день рождения был выдан
календарь.
Вот первый лист – здесь первый
крик, шаг первый.
Вот лист седьмой – огромный
белый бант,
букет из гладиолусов, тетрадь

в линейку, классная работа.
Вот лист семнадцатый –
здесь школьный выпускной,
медаль из позолоты, аттестат,
экзамены и звание студента.
Вот цифра двадцать восемь на
листе –
здесь сына первый крик и первый
шаг.
Вот тридцать пятый лист – и
календарь
так быстро исхудал наполовину.
И пусть я не узнаю никогда,
какая цифра на листе последнем,
но знаю точно, что он будет
первым
листочком в чьём-нибудь
календаре.

• Литературное краеведение

АЛЕКСАНДР ГЕВЕЛИНГ

Александр Феодосиевич Гевелинг родился 1 апреля 1928 года в Твери. Его юность совпала с годами Великой Отечественной войны. Окончил в 1954 г. Литературный институт им. Горького. Работал кровельщиком, киномехаником, пионервожатым, воспитателем в школе ФЗО, журналистом в областных галетах «Смена», «Калининская правда», в областном комитете по телевидению и радиовещанию. Первая публикация – стихотворение «Бойцу» – появилась в областной газете «Пролетарская правда» в августе 1945 г. В 1959 г. стал членом Союза писателей, в 1971-1977 гг. был ответственным секретарем областной писательской организации. Автор 15 стихотворных и прозаических книг. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Нева», «Смена» и др. Руководил литературным объединением при газете «Смена». Лауреат премии М.Е. Салтыкова-Щедрина. Скончался А.Ф. Гевелинг 12 февраля 2014 года.

ГОРОЖАНЕ

Из земляпашеской глуши
Когда-то вышли горожане:
И псковичи, и осташи,
И калужане.

И в историческом вчера,
У деревенской колыбели,
Мы были чудо-мастера,
Мы все умели:

**« МЫ БЫЛИ ЧУДО-МАСТЕРА,
МЫ ВСЁ УМЕЛИ... »**

Сложить очаг, тачать сапог,
Ковать ножи, плести мерёжу,
Поставить сруб, испечь пирог,
Добыть рогожу.

А мой теперешний удел?
Скот не пасу, не жну, не сею,
Добротных пращуровых дел
Не разумею.

Стреножить лошадь? Не берусь.
Жене не выстругаю скалку.
Зарезать борова? Боюсь.
Его мне жалко.

Я не могу запрячь коня,
Ходить пешком я не желаю –
Как Митрофанушку меня
Везут в трамвае.

Я вечно путаюсь в родне:
Кто свату зять, кто тестю деверь.
Не разобраться ночью мне,
Где юг, где север...

Но город сам – не лыком шит.
От спутников до женских бусин
Всё может город, все решит,
Во всем искусен.

В деревне прежде, не спеша,
Дерюгу ткали, дуги гнули,
А вот блоху ковал Левша
Во граде – в Туле.

Но так и хочется порой –
Не по нужде, по доброй воле –
Взять и простецким топором
Набрать мозолей,

Солому скирдовать в жнитво
В охотку, весело-удало,
Так, чтобы к вечеру всего
Тебя ломало.

Но скуден времени запас,
А потому мозоли редки,

И я прошу: почаще в нас
Бунтуйте, предки!

* * *

Такого предвидеть нельзя
В безвестной речушке-леснянке:
Была чешуя у язя
Почти что рублёвой чеканки.

Он клюнул вблизи тростников
С налёта, уверенно, пылко.
Да славься во веки веков
Могучая клинская жилка!

Он сразу наполнил сачок
Густой красноты плавниками.
Свояк выдирает крючок
Почти неживыми руками.

Дорога домой коротка
В деревню по имени Броды.
Висит за спиной свояка
Могучее чудо природы.

Он шествует, как супермен,
И травит рыбацкие байки.
Сейчас он попросит безмен
У нашей квартирной хозяйки.

Свидетели в каждом окне:
Деревня дивится, уставясь.
И глухо чернеет во мне
Прекрасная белая зависть.

И вот мы сидим за столом,
И я притворяюсь искусно,
Что мне хорошо и тепло,
Возвышенно, пьяно и вкусно.

А сам закрываю глаза,
Молясь всемогущему маю,
И чувствую запах язя,
Которого завтра –
Поймаю!

(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

ПЕТЬКА СКУРИХИН

Врач сказал:
– Кладите в середину.
Жаль сержанта, даже очень жаль!
Полз на четвереньках и на мину,
Прямо на три усика, нажал. –
И лежал он тихо-отрешенно,
Слеп и глух и без обеих рук.
До крови прикушенные стоны.
Он молчал –
И стыло всё вокруг.
Минули томительные сутки.
Мы ему кричали:
– Не дури!
Если ночью нужно самокрутку,
Ты ори, пожалуйста, ори! –
Он курил из наших рук махорку
И молчал.
На третий день уже
Он спросил дежурившего Борьку:
– На каком мы, хлопцы, этаже? –
А у Борьки правильные нервы,
Жилочка не дрогнет ни одна.
Он соврал спокойненько:
– На первом,
Я впритык у самого окна.
Так что прыгать будет бесполезно.
Этого я, кстати, не люблю.
Ты лежи, не рыпайся. Железно.
У меня бессонница. Не сплю. –
Что мы знали?
Прорывал блокаду
Около Синявинских болот
Новичок.
И сам из Ленинграда.
На войне уже четвёртый год.
Эх, сестра, беги-ка ты отсюда:
Белый лист плывёт из-под пера.
– Я читать-писать теперь не буду.
Я теперь неграмотный, сестра. –
Два обрубка спят на одеяле,
В шапке Гиппократы голова.
Диктовал солдат какой-то Вале
С того света мёртвые слова.
Диктовал отжившими губами
То письмо – как на душу гора.
Со своими бабьими слезами
Убирайся к дьяволу, сестра!
Мы напишем сами, мы напишем,
Нам нельзя не верить, нет причин.
Где не надо слышать – не
услышим,
Где молчать не надо – не смолчим.

Мы и сами сыты полной мерой,
Как и все – в пожарах и крови.
Не надеждой, страхом или верой –
Жизнью незапятнанной живи!
Ах, девчонки, вечно вы некстати
Подвернётесь под руку солдат!..
Мы лежали с ним в одной палате.
Это было много лет назад.
До сих пор тревоги не отстали,
Что его на страшном рубеже
Всё-таки друзья не удержали
У окна
На пятом этаже.

БЕЛЫЙ

Аромат старины поседелой
На излучине древнего вала.
Городок – удивительно белый .
Белизна его именем стала.

Обща трется о малый пригорок.
В белокаменных улицах кружит.
В старину возвели этот город
Чудо-руки и светлые души.

Сердце света и радости просит,
И, как радости этой примета,
Банты девочки-белочки носят
Предпочтительно бельского цвета.

А как яблони в город ворвутся,
А как вишенье город закроет –
Новым улицы светом займутся,
Белый белым становится втрое.

Но печалит иная примета:
Стены белые – словно решета.
Это била по белому свету
Вороненая сталь пулемета.

И поныне случается, люди
В глухоманях, как в норах
кротовых,
Набредают на трупы орудий,
На скелеты истлевших винтовок.

Забывать ни коричневой силы,
Ни над городом огненной лавы,
Ни единой солдатской могилы
Не дала нам история права.

Если только об этом забудем,
Все вернется, завоет сначала,
Но мы память свою не остудим,

Чтобы жизнь навсегда воссияла.
Будут яблони, песни и школы,
Вечный полдень и вечное лето,
Город Белый всегда будет полон
Вековечного Бельского света.

ПАМЯТЬ

За городом, где скат
Пологого пригорка,
Который год подряд
Стоит «тридцатьчетверка».
При спайке двух дорог
Стоит на пьедестале
Как замерший бросок
Неодолимой стали.
Дышал покоем лес.
Весенний пар курился.
Шел мимо «мерседес»
И вдруг остановился.
На бровку в липкий снег
Узор вдавили шины.
И вышел человек
Из низенькой машины.
Он был не слишком стар,
Он был не очень молод.
Он перед танком встал
И вдаль глядел на город.
И глаз не отрывал
От дальних силуэтов,
Как будто бы искал
Знакомые приметы.
Все было так давно,
Что не узнать, пожалуй,
А помнится одно:
Пожары и пожары.
Дым в сорок первом плыл
По всей вот этой шири,
Когда он сам служил
На танке Т-IV.
Нет, нынче все не так,
Не вспомнить, не похоже,
Вот только русский танк
По-прежнему такой же.
Вот-вот возьмет разбег,
Взревет опушка леса...
И вздрогнул человек,
Хозяин «мерседеса».
Машину что есть сил
Пустил в рывок короткий,
Как будто уходил
Из-под прямой наводки.

В «ОБНИМКУ» С ЧУМОЙ

*Рассказ о талантливом
организаторе военной
микробиологии,
лауреате Госпремии России
В.И. Евстигнееве*

В конце марта этого года, когда в мире началась ковидная истерия, я позвонил Валентину Ивановичу Евстигнееву в Москву. – Наши ребята из «Спектра» сделают вакцину месяца через три-четыре, – сказал он и не ошибся.

Раньше «Спектр» был в ведении возглавляемого Валентином Ивановичем управления Минобороны. Недавно из публикации писателя Валентина Свининникова в газете «Слово» я узнал не только об уникальных наработках, сделанных здесь в советское время, но и о том, как американцы и их «пятая колонна» в России пытались контролировать и уничтожить «Спектр» (три года представитель Госдепа США имел в объединении отдельный кабинет). Но «Спектр» выстоял, ибо не перевелись на земле русской такие патриоты, как генерал Евстигнеев.

Будущий талантливый исследователь и организатор военной микробиологии В.И. Евстигнеев родился в Андрееполе. Детство его прошло в поселке Зеленогорском (в обиходе разъезд 210-й), где находился лесоучасток Октябрьской железной дороги. Окончив семь классов Донской

школы, он начал учиться в Андреепольской средней школе. Три года жил в школьном интернате, где моя мама работала няней, а в 11 классе переехал на жительство к нам. В домашней обстановке легче было подготовиться к выпускным экзаменам. Валентину оказались ближе точные науки – физика, математика.

В 1964 году Валентин не прошел медкомиссию в военном летном училище (немного повысилось давление) и поступил в Калининский медицинский институт. На втором курсе женился. Избранницей стала дочь начальника лесоучастка Евгения, она заканчивала в Калининине медучилище. Шел 1966-й год. После сержантской школы в Острове-3, я служил в ракетной части на житомирщине. Мы с Валентином переписывались, и в моем архиве сохранилось одно из его писем: «...Но если бы ты узнал, сколько писем я написал домой и сколько раз встретился с Женей (мы живем совсем близко), то нисколько не сердился бы сейчас... Конечно, приятно и радостно ощущать себя студентом, но как далеко это чувство от обыденной жизни. Раньше мне студенты представлялись веселыми бездельниками, которые, кроме посещения лекций и сессионных зачетов, ничего не

делают – просто счастливы. Валер, ты сейчас просто не можешь представить, сколько хлопот, забот, зубрежки до распухания черепа воистину скрывается за этим красивым и манящим словом – студент... Как я теперь понял, в институт поступить – это всего лишь самая маленькая доля того дела, которому задумал я посвятить всю свою юность, молодость и жизнь. 3. XI. 1966 г.».

Перечитывая письмо, я думаю, что при ином стечении обстоятельств Валентин мог бы стать журналистом или даже писателем. Но случилось так, как случилось. Учился он на лечебном факультете на Ленинскую стипендию, был членом комитета комсомола института, занимался спортом, посещал научный кружок и вынашивал мечту стать высококлассным хирургом. И, может, стал бы, если бы опять не вмешался случай. Молодой преподаватель научного коммунизма обратился в комитет комсомола с просьбой дать рекомендацию для вступления в КПСС. Валентин, не питавший расположения к этому преподавателю – была на то причина, высказался «против», что и обернулось для него четверкой по научному коммунизму. Хотя каверзный вопрос преподаватель задал совсем

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

из другой «оперы» – на тему классической русской живописи.

Поначалу Евстигнеев хотел добиваться пересдачи экзамена, но потом решил не раздувать конфликт и перевелся на военно-медицинский факультет Горьковского медицинского института. На 6-м курсе Валентина, как одного из лучших студентов, распределили в НИИ микробиологии Министерства обороны СССР на должность младшего научного сотрудника.

– С тех пор и ходил я в обнимку с чумой, – шутит он.

Из того, что доступно для печати, мне известно: под руководством профессора Прокопия Азаровича Кутырева научный сотрудник В.И. Евстигнеев создавал противочумные вакцины, участвовал в ликвидации вспышек чумы в Средней Азии и Вьетнаме, осуществив там десятки тысяч прививок. Вместе с академиком Владимиром Андреевичем Лебединским он изобрел универсальную противочумную вакцину.

Казалось, наука полностью поглотила его: теоретические изыскания, опыты в лабораториях и на полигонах. Защитив кандидатскую диссертацию «Сравнительная оценка эффективности средств массовой иммунизации против чумы», Евстигнеев думает о работе над докторской, обширный материал для нее наработан. Однако направление его жизни вновь неожиданно меняется. Профессора Лебединского назначают заместителем начальника 15-го управления Министерства обороны СССР. Он добивается перевода перспективного сотрудника в это управление.

– Начальником 15-го управления был тогда Ефим Иванович

Смирнов, – рассказывал Валентин Иванович. – Генерал-полковник. Герой Социалистического Труда, семь раз отмечен орденами Ленина, трижды – Красного Знамени. В годы войны руководил Главным санитарным управлением Красной Армии. Затем стал министром здравоохранения СССР. Сняли его в 1953 году за «политическую беспечность» в связи с «делом врачей». После этого Ефим Иванович возглавлял Военно-медицинскую академию имени Кирова, Главное Военно-медицинское управление. Естественно, работать под началом такого легендарного человека было ответственно и почетно...

На первый план для старшего офицера отдела В.И. Евстигнеева выходит организаторская, управленческая деятельность. Его включают в группу по подготовке Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по развитию отечественной иммунологии и приказа министра обороны по этим вопросам, где он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. В 1982 году подполковника Евстигнеева назначают заместителем начальника отдела, а через два года направляют в Свердловске-19 заместителем начальника по научной работе НИИ Министерства обороны.

В 37 лет – генеральская должность. Чем обусловлен быстрый рост по службе? Связей в ЦК и министерстве у Валентина Ивановича – никаких. Супруга из обычной семьи. Мама – фронтовичка, стрелочница на железной дороге. Отчим, заменивший отца, – слесарь, кузнец. Отца Валентин никогда не видел. Как рассказывал его мама Мария Михайловна (племянница моей мамы), служившая библиотекарем в авиаполку, он

был летчиком. В 1945-м, в Кенигсберге, Марию Евстигнееву ранил из подвала немецкий автоматчик, и в госпитале обнаружилось, что она беременна.

Но объяснение быстрому служебному продвижению Валентина Ивановича есть. Система, хотя и подверглась коррозии, продолжала, благодаря таким руководителям, как Е.И. Смирнов, следовать сталинским методам отбора кадров. Выявлялись и назначались на ответственные должности люди одаренные, морально стойкие, способные принести наибольшую пользу Родине. Евстигнеев этим критериям соответствовал. Была у него и еще одна, замеченная мною отличительная черта – философский склад ума, способность за малым видеть явление, процесс.

В 1985 году Ефим Иванович Смирнов выходит на пенсию. Начальником 15-го управления становится В.А. Лебединский. Он вновь приглашает Валентина Ивановича для совместной работы: на этот раз – своим заместителем. И уже через два года Евстигнеев сменит Лебединского на должности генерал-полковника...

Время наступало переломное, тревожное. Пустые полки магазинов. Многотысячные митинги. Эйфория неясных ожиданий. В ту пору В.И. Евстигнеева и возглавляемое им управление уже всюду травили «демократические» СМИ. Как я понимаю теперь, травля была инспирирована внешними силами, слишком их раздражало, что по тем направлениям, которыми занималось управление, СССР значительно опережал Соединенные Штаты.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

Помнится, в июне 1990-го, после шумного полуторамесячного первого Съезда народных депутатов России, я приехал к Валентину Ивановичу в Минобороны на Фрунзенскую набережную. В кабинете собрались несколько его близких коллег. Я говорил что-то о свободе слова, демократии, реформах. Солидные генералы, с фужерами шампанского в руках, равнодушно слушали, а Валентин Иванович мрачно изрек:

– Продадут, нахрен, политики все наши достижения. Запомните: особенно жалко будет всем нам Советский Союз.

Информационная травля управления продолжалась. Работать психологически стало сложно. Валентина Ивановича вызвал начальник Генерального штаба маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев. Разговор был откровенный. О ситуации в стране, предательстве в верхах, о том, что армию начнут разваливать.

Завершая разговор, Сергей Федорович по-отечески изрек:

– Валя, сынок! Боюсь, тебя или убьют, или сфабрикуют дело. Береги себя.

В конце августа 1991 года произошло до сих пор овеянное тайнами самоубийство Сергея Федоровича. Накануне трагедии он написал: *«У меня складывается убеждение, что мы уже теряем Отечество, не создав на его месте ничего другого. Но ведь в этих трех понятиях – государство, народ, вооруженные силы – для меня, как и для миллионов других людей, заключается смысл жизни. Выходит, что он теперь утрачивается. Нужно же, наконец, по-настоящему за-*

думаться над этим, опомниться и сохранить Родину, пока над ее живым телом идет противоборство враждующих сил».

Помнится, выслушав рассказ Евстигнеева о предупреждении маршала Ахромеева, я спросил:

– Тебя, действительно, могли убить?

– Не исключаю. Жестокое было время...

Как оказалось, предатели нашлись не только среди политиков. В США уехал доктор биологических наук, полковник Канаджан Алибеков, служивший первым заместителем руководителя комплекса «Биопрепарат». Я прочел несколько глав книги «Осторожно! Биологическое оружие!», написанной им в соавторстве с журналистом Стивом Хейдельманом (на обложке Алибеков представлен как Кен Алибек). Этот труд интересен тем, что приоткрывает завесу тайны над «хозяйством», которым ведал В.И. Евстигнеев.

Официально отказ от биологического оружия наступательного характера Россия провозгласила в 1992 году, после чего, в ходе реорганизации, 15-е управление вошло в состав войск радиационной, химической и биологической защиты страны. «Теперь в военном ведом-

стве вместо мощной и многочисленной «пятнашки» действует Управление по биологической защите Минобороны РФ. Его возглавляет генерал-лейтенант медицинской службы Валентин Евстигнеев – один из крупнейших специалистов по всем видам чумы», – пишут Кен Алибек и Стив Хейдельман.

Евстигнеев уточнил:

– По всем видам возбудителей инфекционных болезней.

Вместе с Секретарем Совета безопасности России А.А. Кокошиным Валентин Иванович ведет переговоры с представителями американской стороны по проблемам биологического оружия. Они завершаются подписанием необходимых документов. Задуманный недругами России международный скандал не состоялся.

Но больно ударили по сердцу Валентина Ивановичу трагические события осени 1993 года. Он вспоминал:

– Я и мои коллеги из других управлений министерства в те дни почти не покидали его стены. Напряжение было очень сильное. Мы постоянно общались, советовались. Главенствовала мысль: армию втягивать в разборки нельзя. Но все вышло по-другому...

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 10-12).

Как бы то ни было, надо жить, работать во имя Родины. В.И. Евстигнеев оканчивает Высшие курсы Академии Генерального штаба по специальности «Оперативное искусство» и назначается заместителем командующего войсками радиационной, химической и биологической защиты.

К тому времени относится любопытный эпизод. В составе группы инспекторов Минобороны В.И. Евстигнеев ехал с проверкой в один из профильных военных НИИ. В одном купе с ним оказался только что назначенный начальник штаба войск генерал-лейтенант Иванов.

– Говор его мне показался знакомым, близким. Спрашиваю: «Борис Иванович, а вы, простите, где родились?» «А, – машет он рукой. – Совсем глухой угол. Есть такое село Хотилицы...». «Хотилицы?!». «Ну да, а что?». «А я с двести десятого разъезда. До Хотилиц оттуда десять километров, не больше...». Обнялись, как родные. Оказалось, даже один год мы жили в соседних комнатах школьного интерната. Я учился в десятом классе в Андреаполе, а он – в девятом.

– Борис был моим одноклассником, – дополнил я. – Си-

рота, всего добился сам. После девятого класса поступил в Ржевский техникум механизации сельского хозяйства, потом – в Костромское военно-химическое училище, окончил с золотой медалью Военную академию химической защиты, которую со временем и возглавил. В отставке был аудитором Счетной палаты, а затем генеральным директором и председателем совета директоров крупнейшего оборонного холдинга.

В отпуск Валентин Иванович приезжал обязательно в штатском, и только работники военкомата, где он обязан был встать на учет, и родственники знали, что земляк, сутками пропадавший с удочкой на живописных Житовских озерах, носит звание генерала. Ох, уж эти манящие озера! Целая гирлянда их, соединяемая рекой Любуткой, открывается с Житовского моста. Помню, дорожили мы на Волчьем озере, и такая щука попалась на блесну, что повела в сторону наши комли (долбленую лодку). Жаль, упустили мы ту рыбину. Впрочем, в конце 90-х времени для отдыха у Валентина Ивановича практически не оставалось.

Подобно шагреновой коже, сокращается финансирование

научных работ, обостряется кадровая проблема. Бывая в воинских частях, на испытательных полигонах, в НИИ, Евстигнеев пытается удержать позиции ведомства, не переставая, однако, заниматься и научными исследованиями (всего у него около двухсот научных работ). Кажется, на все хватит у него сил, но возникают проблемы со здоровьем. Рано или поздно это должно было случиться. Лечащий врач заключает: виной всему нервные и физические перегрузки. Евстигнеев и сам это знает.

В 2000-м году он увольняется из министерства обороны в связи с выходом на пенсию и становится первым заместителем Генерального директора ОАО «Биопрепарат» по науке. Сфера его научных интересов – микробиология, иммунология, биотехнология иммунобиологических лекарственных и диагностических препаратов, обеспечение жизнедеятельности экипажей в длительных полетах.

– Космические биотехнологии можно отнести к нанотехнологиям. Главный их инструмент – микроб. Он может перерабатывать любые сложные органические и неорганические молекулы, создавая полезные для человека продукты, – рассказывал мне Валентин Иванович. – Например, на Марсе кислород и азот отсутствуют, а микротруженики их создадут, причем с наименьшими затратами, чем на Земле. Или, скажем, с помощью микробов можно образовать гумус на Луне, выращивать в нем салат, горох, другие растения.

На новом поприще Валентину Ивановичу помогал

(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 10-13).

прежний научный и житейский опыт, подчас – экстремальный. Вообще-то, об «экстриме» он не любит особо распространяться, относя это к «обычным рабочим моментам», хотя порой речь шла об угрозе жизни. Неохотно говорит и о своих наградах, а они у него есть: орден «За службу Родине в Вооруженных Силах», «Орден Мужества», 15 медалей. В 2003 году за создание комплексных средств профилактики и лечения сибирской язвы В.И. Евстигнеев удостоился Государственной премии РФ.

На его мнение нередко ссылаются российские и зарубежные эксперты в области экологии и микробиологии, создания вакцин. Надо заметить, он давно предвидел опасность биотерроризма и экологических войн. Так, выступая 25 марта и 8 апреля 2003 года в Центре по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте с лекцией на тему «Биологическое оружие и проблемы обеспечения экологической безопасности», член Национального Совета биологической безопасности В.И. Евстигнеев подчеркивал:

«Революция в биологии на рубеже второго и третьего тысячелетий привела не только к развитию биотехнологии и новым достижениям в медицине, сельском хозяйстве и других отраслях экономики. Она создала научно-технологические предпосылки для разработки усовершенствованных биологических средств массового поражения, что, в свою очередь, делает их более привлекательными для достижения превосходства и

поставленных целей. Анализ доступной информации показывает, что только интеллектуальные и психологические, но не технико-экономические барьеры ограничивают использование террористами и криминальными структурами биологических средств как для устранения отдельных личностей, так и для массовых террористических акций. Однако в ближайшей перспективе эти барьеры, очевидно, будут преодолены...»

Несколько лет назад Валентин Иванович окончательно расстался с работой. Он часто пребывает вместе с супругой Евгенией Федоровной в родном андреапольском краю, где приобрел скромный домик на берегу озера. Мы дружим семьями, ездим в гости друг к другу, перезваниваемся. Нам есть что вспомнить, о чем поговорить.

– Помнишь, какие замечательные вареники с творогом готовила нам твоя бабушка Лиза? – спросил я у него при очередной встрече.

– Ну как же, золотое было время. Жаль, что никогда оно не вернется, – с легкой грустью в голосе произнес он.

26 октября этого года Валентину Ивановичу Евстигнееву исполняется 75 лет.

Валерий Кириллов,
писатель, г. Андреаполь

На снимках: в рабочем кабинете. 2000 г.; с дядей, бывшим военным летчиком И.М. Евстигнеевым. П. Зеленогорский, 1972 г.; После получения Госпремии РФ с премьер-министром М.Е. Фрадковым. 2004 г..

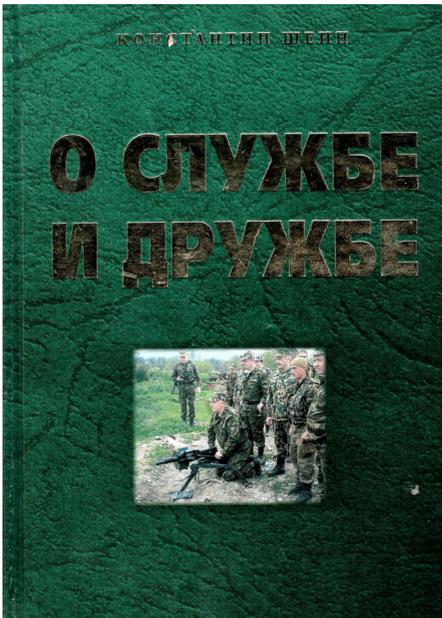

**Наш земляк
награжден
медалью
«Михаил Шолохов»**

В честь 115 годовщины со дня рождения Михаила Александровича Шолохова Союзом писателей России учреждена медаль «Михаил Шолохов». Ею отмечают литераторы, редакционные коллективы, филологи, музейные работники, библиотекари, актёры, общественные деятели, внёсшие весомый вклад в дело пропаганды творческого наследия писателя и в защиту русского слова. В числе получивших награду коллективы редакций газет «Литературная газета», «Слово», «Советская Россия», издательства «Вече», журналов «Роман-газета» и «Подъём», писатели В. Крупин, В. Курбатов, С. Куняев, А. Лапин, Ю. Поляков, А. Проханов, В. Сорокин, Президент Российского книжного союза С. Степашин, руководитель Гильдии книжников Б. Есенькин, актёры В.Конкин, Ю. Назаров. Приятно отметить, что этот список известных коллективов и творческих деятелей России недавно пополнил за значительные достижения в творчестве и тверской писатель В. Кириллов.

• Новые книги

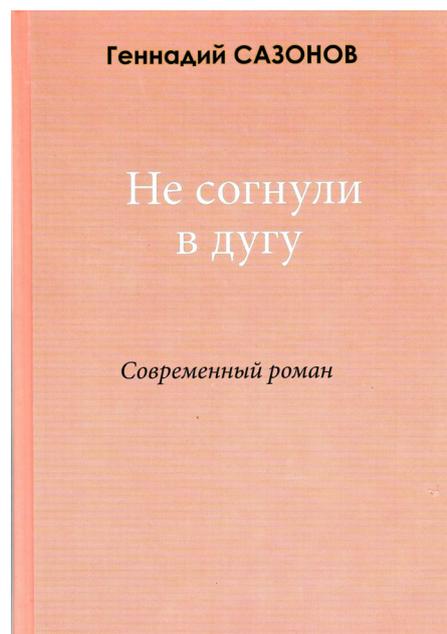
Следуя родовой традиции

В Тверской области хорошо известно имя Владимира Георгиевича Шеина – заслуженного строителя РФ, почетного дорожника РСФСР, одного из руководителей дорожной отрасли. И мало кто зна-

ет его брата-близнеца Константина Георгиевича, личности не менее значительной. Генерал-майор, первый заместитель Центрального управления ракетного топлива и горючего Министерства обороны СССР, выйдя в отставку, он стал вице-президентом ОАО «АК «Транснефтепродукт». К 75-летию Победы вышла вторым изданием его книга «О службе и дружбе». Она представляет собой увлекательное повествование о жизненном пути Константина Георгиевича, судьбах его родственников и коллег. Родители братьев происходили из простых семей, однако любопытно, что по отцовской линии Шеины восходили к воеводам и боярам, близким к российским монархам. Одна из ветвей рода связана с именем первого русского генералиссимуса Алексея Семеновича Шеина, память о котором братья ревностно оберегают и бережно популяризируют. Книга прекрасно издана и проиллюстрирована множеством фотографий и документов.

Роман Геннадия Сазонова

«Не согнули в дугу» - так называется первый роман уроженца тверской земли, ныне известного вологодского литератора, автора более чем тридцати книг поэзии, прозы, публицистики Геннадия Сазонова. В центре повествования судьба обычного инженера, выросшего в русской глубинке. Герой оказался на перепутье после того, как стал очевидцем событий в Москве в 1993 году. Автору удалось «широкими мазками» нарисовать бытие современ-

ной России, отразить взаимосвязь настоящего с прошлым.

Включены в альманах

Результатом XX литературных встреч «Каблуковская радуга» стал альманах (выпуск восемнадцатый), куда включены стихотворения, набравшие высокие баллы.

«Ровно сто стихотворцев стали участниками двадцатых литературных встреч, проводимых на гостеприимной тверской земле. Стихи двух третей из общего количества конкурсантов вы прочитаете в этом альманахе», – написал в предисловии организатор каблукковского фестиваля В.И. Львов.

Среди участников конкурса были 48 представителей Твери и Тверской области, 24 – Москвы и Московской области, 11 – Ярославля и области, 5 – из республики Коми (Ухта). 5 – из Смоленска и области, 2 – из Самары и области, 2 – из Брянской области, по 1 представителю из республики Удмуртия, Новосибирской области и Тулы.

Вошли в сборник и стихи наших авторов: Н. Шабановой (номинация «Стихотворения к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне»), С. Большенковой, М. Петровой, И. Столярова (номинация «Лирическая поэзия»).

Золотой запас

Анна Ахматова

(1889 – 1966)

* * *

Небывалая осень построила купол
 высокий,
 Был приказ облакам этот купол
 собой не темнить.
 И дивилися люди: проходят
 сентябрьские сроки,

А куда провалились студеные,
 влажные дни?..
 Изумрудною стала вода
 замутненных каналов,
 И крапива запахла, как розы, но
 только сильней,
 Было душно от зорь, нестерпимых,
 бесовских и алых,
 Их запомнили все мы до конца
 наших дней.
 Было солнце таким, как вошедший
 в столицу мятежник,
 И весенняя осень так жадно
 ласкалась к нему,
 Что казалось – сейчас забелеет
 прозрачный подснежник...
 Вот когда подошел ты, спокойный,
 к крыльцу моему.

Александр Пушкин

(1799-1837)

Ел. Н. Ушаковой

Вы избалованы природой;
 Она пристрастна к вам была,
 И наша вечная хвала
 Вам кажется докучной одой.
 Вы сами знаете давно,
 Что вас любить немудрено,
 Что нежным взором вы

Армида,

Что легким станом вы

Сильфида,

Что ваши алые уста,
 Как гармоническая роза...

И наши рифмы, наша проза
 Пред вами шум и суета.
 Но красоты воспоминанье
 Нам сердце трогает тайком –
 И строк небрежных

начертанье

Вношу смиренно в ваш

альбом.

Авось на память поневоле
 Придет вам тот, кто вас певал
 В те дни, как Пресненское

поле

Еще забор не заграждал.

Владимир Набоков

(1899-1977)

РУСЬ

Пока в тумане странных дней
 еще грядущее не видно,
 пока здесь говорят о ней
 красноречиво и обидно, –
 сторонкой, молча, проберусь
 и, уповая неизменно,
 мою неведомую Русь
 пойду отыскивать смиренно, –
 по черным сказочным лесам,
 вдоль рек да по болотам сонным,
 по темным пашням, к небесам
 бесплодной грудью обращенным.

Так побываю я везде,
 в деревню каждую войду я...
 Где ж цель заветная, о, где –
 непостижимую – найду я?

В лесу ли – сумраком глухим
 сырого ельника сокрытой, –
 нагой, разбойником лихим
 поруганною и убитой?

Иль поутру, в селе пустом, –
 о жданная! – пройдешь ты мимо,
 с улыбкой на лице простом
 задумчиво-неуловимой?

Или старушкой встанешь ты
 и, в голубой струе кадильной,
 кладя дрожжасные кресты,
 к иконе припадешь бессильно?

Где ж просияет берег мой?
 В чем угадаю лик любимый?
 Русь! иль во мне, в душе самой
 уж расцветает ты незримо?